
Е. И. Анненкова

**РОССИЯ И ЗАПАД КАК РУССКАЯ ТЕМА
В КОНЦЕПЦИИ К. С. АКСАКОВА**

(Работа выполнена при поддержке РГНФ, научный проект № 14-04-00376а)

Один из ведущих деятелей славянофильства, К. С. Аксаков уделял довольно много внимания проблеме отношений России и Западной Европы в исторических, литературно-критических и фольклористических трудах. В статье его сочинения рассматриваются в контексте славянофильских работ, также привлекаются архивные материалы. К. С. Аксаков рассматривает проблему России и Запада не только как историческую, но и как онтологическую. Славянофилами выявлено, что понятия «русский человек» и «западный человек» — это не отвлеченная мыслительная конструкция, а историческая, психологическая и духовная реальность. Анализ научных, публицистических и художественных произведений Аксакова позволяет выявить как сложность, так и целостность его концепции.

Ключевые слова: Россия, Запад, славянофилы, Крымская война, публицистика, переписка.

Е. I. Annenkova

**RUSSIA AND THE WEST AS A RUSSIAN THEME
IN THE CONCEPT OF K. S. AKSAKOV**

One of the leading figures of Slavophilism, K. S. Aksakov, devoted quite a lot of attention to the problem of relations between Russia and Western Europe in historical, literary-critical and folkloristic works. In the article his works are considered in the context of Slavophile works, also archival materials are used. K. S. Aksakov considers the issue of Russia and the West not only as a historical, but also as ontological. Slavophiles found, that the concept of «Russian man» and «Western man» is not an abstract mental construction, and historical, psychological, but it's a spiritual reality. The analysis of Aksakov's scientific, journalistic and artistic works reveals both the complexity and integrity of his concept.

Keywords: Russia, the West, the Slavophiles, the Crimean War, journalism, correspondence.

В 1854 г., во время Крымской войны, Константин Аксаков высказывает мысль, которая может показаться парадоксальной тем, кто, исходя из несколько поверхност-

ного понимания славянофильства, полагает, что его идеологи в противопоставлении России и Запада занимали не аналитическую, а сугубо оценочную позицию, воз-

вышая Россию и принижая Западную Европу. При том что оценочность в истолковании этой оппозиции действительно иногда присутствовала в славянофильских работах, она не исключала понимание исторической и общечеловеческой сложности проблемы. В письме к Д. А. Оболенскому Аксаков пишет: «С самого начала дела причина всех неудач наших — не в силе, могуществе или искусстве врагов, а в нас самих, мы сами против себя вооружились, и мы сами, конечно, самый страшный наш противник <...> Борьба, настоящая борьба Востока и Запада, России и Европы — в нас самих, а не на пределах наших» [5, л. 12]. К этому суждению еще будет возможность вернуться и обосновать его место в общем движении мысли одного из основателей славянофильства. Но сразу можно сказать, что в славянофильском рассмотрении заявленной проблемы, бесспорно центральной для 1840–1850-х гг., присутствовало взаимодействие трех начал — публицистического (то есть откликающегося на злобу дня), научно-исторического и онтологического. Первое более всего проявлялось в 1840-х гг., во всяком случае, у Аксакова; последнее заявило о себе и все более очевидным становилось в середине и во второй половине 1850-х.

Славянофилы, и это общеизвестно, не отвергали западную культуру и историю, как и историческую значимость реформ Петра I. «Первым двадцатилетием настоящего века Россия окончила со славою свой государственный подвиг, начатый Петром Великим» [14, с. 213], — писал Д. А. Валуев в Предисловии к «Сборнику исторических и статистических сведений о России и народах ей единовременных и единоплеменных», вышедшему в свет в 1845 г. Знакомство с «умственным достоянием» Запада признается автором как необходимое не только для «вещественных», но «даже и для духовных сил России» [15, с. 213]. «На Западе, — пояснял Д. А. Валуев свою мысль о важности для России познания за-

падного мира, — впервые были подняты и пробуждены все вопросы науки и жизни <...> у западного человека достало мужества, чтобы не остановиться ни перед одним вопросом и не испугаться ни одной крайности умственного или нравственного мира» [15, с. 215]. И. В. Киреевский в «Ответе А. С. Хомякову» признавал: «Да, если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже моими сердечными привычками...» [12, с. 120]. Почему же столь исторически непросты оказывались отношения России и Западной Европы? Славянофилы именно в середине 1840-х гг. (то есть в момент уже определенного и даже достаточно резкого размежевания западнической и славянофильской мысли) формулируют этот вопрос, приходя затем и к принципиальному для них ответу.

«Трудно объяснить, — замечал А. С. Хомяков в статье 1845 г. «Мнение иностранцев о России», — эти враждебные чувства в западных народах, которые развили у себя столько семян добра и подвинули так далеко человечество по путям разумного просвещения. Европа не раз показывала сочувствие даже с племенами дикими, совершенно чуждыми ей и не связанными с нею никакими связями кровного или духовного родства <...> Кажется, у нас и кровь индоевропейская, как и у наших западных соседей, и кожа индоевропейская <...> и язык индоевропейский <...> а все-таки мы своим соседям не братья. Недоброжелательство к нам других народов, очевидно, основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде перед этою самостоятельную силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов» [18, с. 83–84]. Итак, препятствием к

равноправному диалогу было, с одной стороны, «недоброжелательство к нам других народов», с другой — избыток «доброжелательности» со стороны России, готовой слишком долго оставаться в позиции ученика. Притягательным для России оказывалось и приближение к комфорту жизни, «и не было ли такое развитие всестороннего комфорта, — продолжал Валуев, — удовлетворяющего всем потребностям человека, основною задачею всего западного просвещения и всей жизни западного человечества» [15, с. 224]. Что ищем на Западе — могли поставить славянофилы вопрос — способность иметь достаточно мужества, чтобы не остановиться ни перед одним вопросом, или развития «всестороннего комфорта»? Возможно ли совмещение одного с другим? Скорее всего, допускали славянофилы, оно возможно для Запада и исключено как цель для России. «Западный человек, — замечал И. В. Киреевский, — раздробляет свою жизнь на отдельные стремления и хотя связывает их рассудком в один общий план, однако же в каждую минуту жизни является как иной человек. В одном углу его сердца живет чувство религиозное, которое он употребляет при упражнениях благочестия; в другом — отдельно — силы разума и усилия житейских занятий; в третьем — стремления к чувствительным утехам; в четвертом — нравственно-семейное чувство; в пятом — стремление к личной корысти; в шестом — стремление к наслаждениям изящноискусственным <...> Западный человек легко мог поутру молиться с горячим, напряженным, изумительным усердием; потом отдохнуть от усердия, забыв молитву и упражняя другие силы в работе; потом отдохнуть от работы, не только физически, но и нравственно <...> потом забыть весь день и всю жизнь в мечтательном наслаждении искусственного зрелища. На другой день ему легко было опять начать обочивать то же колесо своей наружно-правильной жизни» [12, с. 229]. При по-

добной способности можно было чередовать осмысление сложных вопросов «науки и жизни» и заботу о «всестороннем комфорте». Погружение в онтологические глубины мысли и забота о бытовом удобстве русскому не давалась одновременно — в силу большей цельности русского человека, как полагали славянофилы, его неспособности «раздроблять» себя.

Поэтому Константин Аксаков, даже отдав должное исторической роли Петра I, постоянно говорил не о преобразованиях, а о «петровском **перевороте**» (здесь и далее полужирный шрифт мой, курсив — авторов цитируемых сочинений. — *Е. А.*) — о совершенном царем насильственным переломе, претендующем на то, чтобы кардинально переменить природу русского человека. Не случайно в его статье «О современном человеке» так часто встречается определение «нравственный»: речь идет не просто о культурном и технократическом влиянии Запада, а именно этическом; в понимании Аксакова, это — «нравственное иго»: «Да, страшнее материального ига Европы, которое тяготеет над всем, что не Европа, страшнее этого ига есть иго нравственное той же Европы, несравненно труднейшее к свержению» [9, с. 428].

Между тем, в начале десятилетия Константин Аксаков был далек от размышлений политического рода. Побывав в Германии в 1838 г. и запечатлев образ «чужих краев» в своих письмах к родным, отдав должное Германии, культуру которой любил с юных лет, отметив при этом, что пусть немцы уже развили данные им способности, и развили максимально, зато «**субстанция** русского народа» выше; определив для себя первостепенность филологических занятий, Аксаков с начала 1840-х гг. начинает работать над магистерской диссертацией, посвященной месту Ломоносова в истории русского языка и литературы, он тяготеет к философскому осмыслению культуры и настаивает на приоритете научных занятий. В 1840 г. он

пишет А. Н. Попову: «Неужто в самом деле Вы оставляете как бы в стороне науку; неужто наука и жизнь являются для Вас враждебными; разве наука не есть высшая сфера человеческого духа, разве не в ней является оправдание всего и не к ней ли именно теперь должны быть устремлены все наши усилия? Именно в науке встает самобытность России; чрез нее совершается разумное возвращение к субстанции русской? <...> Что Германия; как-то она теперь несетя во весь опор по дороге протестантизма и ничего не найдет; из отрицания и выйдет отрицание» [4, л. 2–2об.] И ему же: «Благодарю Вас за сообщение нам сведений о берлинских профессорах. <...> Германия как будто чувствует, что сделала свое дело и, посмотрите, обращается к своему прошедшему, им любуясь, его возвеличивая и не смотря с надеждою в будущее <...> Обратимся лучше к молодой России; Вы знаете, как невидимо возникает в ней ее прекрасная жизнь, жизнь ее ученой деятельности; и мне остается сказать Вам только, что более и более убеждаемся мы в том прекрасном времени, которое наступит» [4, л. 3–3об].

Современный момент мыслится Аксаковым как требующий «новой учености» [9, с. 196] и как «время внутренней работы», как период, побуждающий Москву начать «новый подвиг, важнее всех предыдущих, подвиг духовного освобождения, нравственной силы, самобытности, сознания» [9, с. 192]. Необходимость науки, мысли, несущей в себе преобразующее начало, влияющей на состояние общества, Аксаков отстаивает и во второй половине 1840-х гг. — в статьях, посвященных современной литературе. Однако позже, в следующее десятилетие, не оставляя в целом занятий филологических, Аксаков тому же Попову напишет: «...Мои ученые занятия сильно были смущены великими событиями, движувшимися в современной истории» [4, л. 21]. Под великими событиями имеется в виду Крымская война. Позиция Аксакова,

всегда прямо высказываемая (даже на фоне славянофильских суждений она могла показаться излишне резкой), позволяет выявить не только существо вопроса о России и Западе в общественной жизни той поры, но и сам процесс осмысления его.

Проблема, поставленная в самых первых работах основателей славянофильства А. С. Хомякова и И. В. Киреевского в 1839 г., актуализируется в середине 1840-х и затем — в середине 1850-х гг. В первом случае, как уже отмечалось, — это момент окончательного размежевания с западниками, во втором — годы Крымской войны; в первом — противостояние людей одного круга, то есть коллизия идеологического самоопределения, во втором — ситуация защиты национальных интересов, выходящая за рамки локального исторического конфликта (это не просто очередная русско-турецкая война, но война, выливающаяся в военное столкновение со странами Западной Европы). Именно на этом этапе противоположность России и Запада, в интерпретации славянофилов, приобретает смысл противостояния онтологического. Но основа такого прочтения вопроса, важного для славянофилов, закладывалась на границе двух десятилетий и была вызвана осмыслением французской революции 1848 г. При том, что в славянофильской среде в целом отношение к революции 1848 г. было преимущественно негативным, позиция Константина Аксакова оказалась наиболее жесткой [20, с. 81–95]; именно он, одновременно с Ф. И. Тютчевым [17, с. 42–62, 78–96], увидел в разворачивающихся исторических событиях онтологический смысл. Можно сказать, что это и оказалось русской постановкой вопроса. Непохожесть России и Запада (мало занимавшая Европу) была воспринята как сущностная противоположность, в определенном смысле — как проявление в мировом **историческом** процессе полярности добра и зла.

Первоначальный отклик на то или иное событие содержится, как правило, в **пись-**

мах Аксакова, основные положения которых, уже будучи приведены в систему, становятся основой статьи (данная особенность работы Аксакова было замечена В. А. Кошелевым, установившим непосредственную связь между письмами и статьями [13, с. 306–312]). Однако события 1848 г., а затем 1854–1855 гг. оказались столь остры, что категоричность оценок и стихийность, неотшлифованность некоторых выражений (объяснимая в частном письме) переходит и в работы, адресованные не только близкому кругу людей, но и более широкому читателю. Аксаков, правда, не публикует статьи, написанные в эти годы, и трудно сказать, почему они остались в рукописи: потому ли, что не было уверенности в возможности публикации или потому, что субъективность высказывания (как содержания, так, в известном смысле, и формы) осознавалась им самим, а придавать работам спокойную аналитичность, тем более — бесстрашие, Аксаков явно не мог. С одной стороны, 1848 г. явил тот лик Западной Европы, о котором уже давно толковали славянофилы, и историческая реальность подтверждала видение ими Запада, следовательно, славянофилы могли бы торжествовать. С другой, само русское общество (вызывавшее сильное беспокойство славянофилов) пребывало в том состоянии, которое оставляло все меньше иллюзий и не питало утопических надежд на возможность национального возрождения. В отличие от И. В. Киреевского, А. И. Кошелева, видевших даже в европейских странах скрытое недовольство современным состоянием духа и предвестие обновления, К. Аксаков, как ни странно, оказывался настроен более скептически. Тем настойчивее он говорил о необходимости разрыва с Западом.

В письме к А. Н. Попову определенно сказано: «Теперь настало наконец время, когда всякий должен понять, что нам, русским, надо отделиться от Европы Западной» [4, л. 12 об.]. Казалось бы, Аксаков уже неоднократно говорил о пагубном для

России европейском влиянии и о необходимости сохранить самостоятельность. Теперь, однако, он стремится поставить вопрос более глобально и прежде всего дать характеристику как Западу, так и России: «События, совершающиеся на Западе, замечательны. Запад разрушается; обличается ложь Запада; ясно, к какой бездне приводит его избранная им дорога. — Я радуюсь обличению лжи. Ужели и теперь Россия захочет сохранять свои связи с Западом? Нет, все связи нашей публики с Западной Европой должны быть прерваны <...> Теперь настало наконец время, когда всякий должен понять, что нам, Русским, надо отделиться от Европы Западной; что *верная порука тишины и спокойствия есть наша народность*. У нас другой путь; наша Русь — Святая Русь!» [1, с. 310.]. В политике западноевропейских государств Аксаков предвидит будущие усилия, направленные на то, чтобы отделить славян от России, «произвести в них смущение <...> ослабить силу сочувствия к нам» [4, л. 18 об.].

«Что это делается на Западе? — ставится вопрос в очередном письме, и вопрос вовсе не риторический, хотя определенный ответ Аксаков, конечно, подразумевает, делая его очевидным и для своего корреспондента. — Что за время наступило. Замечателен этот 1848 год! Неужели найдутся люди, которые назовут этот год великим? Напротив, *малым* надобно назвать его. Ибо никогда еще человек не являлся так мал и ничтожен. — Настоящее время можно назвать великим, потому что *урок*, который дает он, велик, потому что велико обличение, потому что теперь раскрыта горькая правда и обнаружена вся мелочь, дрянность, несостоятельность, все ничтожество Западного человечества <...> О, какой важный урок, какой поучительный урок для Русской земли, которая уже поставила ногу на Западный путь, на край бездны!» [1, с. 310–311].

Еще более резкими оказываются суждения об Америке. Создается впечатление,

что, при всей категоричности оценок Западной Европы, Аксаков по-своему сочувствует тому миру, культурное родство России с которым никогда не отрицал, — сочувствует раздвоенности, холодности, расщепленности западного мира и, если бы мог, всячески поспособствовал бы тому, чтоб вернуть чувство духовного родства. Иное дело — «Соединенные Штаты Северной Америки», не прошедшие через исторический процесс национального культурного становления. В статье «О современном человеке» Аксаков развертывает эту тему: «В Западной Европе много еще естественных племенных элементов, много даже противоречащих добрых побуждений, хотя подавленных началом, которое она избрала, много преданий, много воспоминаний о первоначальных днях своих; все это более или менее умеряет жестокость эгоистического начала; но в Соединенных Штатах нет никаких неудобств. Самая почва их — почва новая, чужая, вся составленная из выходцев, свободная даже от племенных связей, не знающая даже детей первоначальных, даже не народ, Северная Америка вся насквозь проникнута эгоистическим, холодным началом и вся представляет обширную общественную сделку людей между собою, лишенную всякой любви, сделку спокойную, крепкую, ибо основанную на себялюбивом расчете; разве только личные страсти могут на минуту заставить забыть этот расчет; в пределах же сделки эти страсти действуют со всею своею пожирающею силою» [9, с. 443].

Тем более важным (своевременным) представляется Аксакову сформулировать те начала русского мира, которые в своих основах противоположны и противостоят миру и западному, и американскому. «Народное начало, — рассуждает он, — есть, по преимуществу своему, антиреволюционное начало, начало консервативное. Такова народность Русская, народность истинная» [4, л. 15 об.]. Прежде было сказано, что «наша народность» — «верная

порука тишины и спокойствия» [4, л. 12 об.]. К понятиям спокойствия и тишины как основным составляющим русского мира Аксаков постоянно будет обращаться в работах, посвященных русской истории. Изучая достаточно серьезно эпоху Древней Руси, он, однако, не создает собственно исследовательских трудов, основанных на архивных источниках. Общая направленность размышлений и постановка наиболее близких Аксакову вопросов нашла выражение в названии одной из статей — «Об основных началах русской истории». Каковы же, с точки зрения автора, «основные начала»? В этой и других работах речь идет прежде всего о том, что отечественная история «совершенно отличается от западной европейской и от всякой другой истории» [7, с. 113]: в ней нет «ни одного красивого эффекта, ни одного яркого наряда», «нет рыцарства с его кровавыми доблестями», нет «бесчеловечной религиозной пропаганды», «крестовых походов» и «беспрестанного щегольского драматизма страстей», нет «гордости и всей обольстительной красоты ее». Зато есть «молитвенная тишина и смирение», «внутренняя духовная жизнь веры», а «смирение, в настоящем смысле, — поясняет Аксаков, — несравненно большая и высшая сила духа, чем всякая гордая, бесстрашная доблесть» [7, с. 113, 114]. В сущности, обозначена та степень различия Запада и России, преодоление которой практически не представляется возможным. Признавая «темные стороны», «преступления» и в русской истории, Аксаков вновь отметит их сущностное отличие от «преступлений», совершившихся на Западе: на Руси они «не носят на себе признаков утонченного зверства» [7, с. 116]. В каком-то смысле он рассматривает и западную, и русскую историю как эстетический феномен: в одной преобладают эстетизированные, внешние начала — «поза», «щегольство», «эффект», в другой — не видимое, а сущее: «глубокая простота» и «внутренняя сила» [7, с. 114]. Как этика,

так и эстетика двух миров оказываются принципиально различны. Конечно, Аксаков дает те характеристики русской истории, которые призваны расположить читателя в ее пользу, и все же задача его не сводится к оценкам. Может быть, никто (даже из славянофилов) не выявлял столь последовательно и бескомпромиссно поляриность России и Запада. Оставаться на пути подражания означает, по Аксакову, потерю национальной идентичности, и, следовательно, вопрос о России и Западе — это русский вопрос — вопрос, актуальный для каждого русского.

Откликаясь на выход в свет первого тома «Истории России с древнейших времен» (1851) С. М. Соловьева, своего бывшего университетского приятеля, Аксаков не удерживается в рамках строго научной дискуссии, его статья-рецензия имеет и публицистический заряд. Современный исследователь справедливо замечает, что «Соловьев писал первую *научную* историю России, а Аксаков занимался историей «Святой Руси» [14, с. 118]. Рецензируя первый том «Истории России...», Аксаков не столько анализирует конкретные положения, изложенные в труде Соловьева, сколько дополняет автора, вновь акцентируя внимание на том, **что** отличает Россию от Западной Европы, и особо выделяя вопрос об отношениях государства и личности. Главное различие он видит в том, что на Западе, в силу особенностей исторического развития, человек привык «верить в *государство*, которое есть его собственное, человеческое создание, *царство от мира сего*»; он думает «учреждениями заменить все нравственные начала, достигнуть одним словом *совершенства порядка*», то есть «заменить совесть и нравственную свободу, связь народную, общественную, и самую веру законом и политическими правами», а это «опустошает душу человека и делает его неспособным к свободе и нравственной жизни» [7, с. 97]. Таким образом, на Западе всюду видно «поклонение госу-

дарству», при котором идеал его, идеал порядка, внешней стройности, ловко прилаженного, так сказать, механического устройства, пленил ум человеческий» [7, с. 97]. Поскольку «вера в государство, во внешнюю правду, сильна повсюду на Западе <...> там обеднел человек внутренний, человек свободный, человек собственно» [7, с. 97]. Как видим, в центре внимания Аксакова не государственность как таковая и не поток истории, а судьба человека, поэтому точнее будет говорить не столько о публицистическом характере его исторических работ, сколько об их философско-антропологической направленности.

Запад, по Аксакову, избрал для себя более легкую, лежащую на поверхности форму исторического бытия, поскольку «устройство внешнего закона для человека легче действия закона внутреннего; исполнять какое-нибудь внешнее правило легче, чем слушаться совести; порядок внешней жизни удобнее и менее затруднителен, чем строй жизни внутренней» [7, с. 97]. Можно видеть, что Аксаков, в рамках одной фразы, несколько раз повторяет одну и ту же мысль, но каждый раз словно поясняет ее интонационно и тем самым закрепляет. Он как бы воспроизводит механизм цивилизации, набирающей и закрепляющей приобретенный опыт. По Аксакову, это парадигма западного пути, воспринятая и развиваемая Петром I. Русский же путь предполагает особое сопряжение традиций и духовного движения к совершенству. Поэтому настоящий исторический момент толкуется как некое пограничье, оставляющее открытым вопрос о будущем России: «Народ еще держится и хранит, как может, свои народные кроткие общинные предания, но если уступив... проникнется он сам государственным духом, если захочет сам быть наконец государством, тогда... погибнет внутреннее начало свободы» [7, с. 101].

В рассуждениях Аксакова — при желании — можно усмотреть некое противоречие. Упрекая Запад в абсолютизации госу-

дарства как силы внешней, он в статье 1851 г. «Что такое мы в настоящее время?», до сих пор целиком не опубликованной, говорит о России: «Да, такая сила в государстве, такое внешнее непременно предполагает сильный дух, нравственную силу, единственную силу народов» [5, л. 9]. От чего же Западу недоступна подобная «сила»? Обратим внимание на аксаковское словосочетание «такое внешнее» — оно предполагает особое содержание, которого автор либо уже когда-то касался, либо собирается объяснить. Действительно, через несколько лет, в Записке «О внутреннем состоянии России» разъяснение будет дано, здесь же (тем более, в статье, не подготовленной для печати) могла остаться некоторая зыбкость понятий, объяснимая и тем, что Аксаков, сторонник монархической формы правления, не все «внешнее» отвергал, а также тем, что, будучи филологом и поэтом, допускал многозначность понятий, «свое» и «чужое» их смысловое наполнение. В сложные исторические периоды мыслитель может апеллировать не только к разуму, но и к эмоциональному сочувствию читателя, на что нередко рассчитывал сам Аксаков, тем более что развитие исторических событий в 1850-е гг. и состояние русского общества в этот период давало знать, что вряд ли имела место единая постановка вопроса о России и Западе. Поэтому с началом Крымской войны он все более убеждается: дело не только в том, что Запад питает ненависть к России (в письме к Д. А. Оболенскому сказано: «... это ненависть начал, направлений, принципов, духа народного» [3, с. 584]), но дело и «в нас самих». В одной из незавершенных статей («Враги в русской земле. Все с волнением ждут...») сказано: «Не верьте, не в Крыму опасность для России, не от англичан, французов или турок; — нет, опасность, настоящая опасность внутри нас, от духа маловерия, духа сомнения в помощи Божией...» [8, л. 1–1об.].

Заслуживают внимания две работы, помеченные 1854 и 1855 гг. Статья «Россия и

Запад» (1854), достаточно объемная, не добавляющая чего-либо нового к аксаковской интерпретации российской истории, интересна тем, что обобщает наблюдения, высказанные в более ранних заметках. Написанная в годы очередной русско-турецкой (а по сути, русско-западной) войны, когда России пришлось потерять Севастополь, статья заостряет (подчас до чрезмерности) те вопросы, которые были актуализированы данным историческим моментом, а заявили о себе гораздо раньше. Аксаков формулирует то понимание русского мира, которое, как он допускает, не всеми будет принято. Всегда склонный к прямоте суждений, в этой работе он высказывает собственное мнение, ничем себя не стесняя, называя вещи своими именами и давая им объяснение. Работая над статьей, он зачеркивает некоторые фрагменты, придавая тексту большую динамичность и выводя на первый план те положения, которые подчеркивают полярность России и Запада, принципиально используя слова не из научного, а из публицистического лексикона. Это заявлено уже в начале статьи: «В настоящую минуту, в которую ни один русский не может быть равнодушен, невольно устремляется взор, с одной стороны, на Россию, с другой стороны, на ее постоянного, хотя и не всегда явного врага, — на Запад Европы, который кипит к России всею силою непримиримой ненависти» [6, л. 1]. Затем Аксаков зачеркивает обширный фрагмент, начинающийся словами: «Вглядимся ближе в нравственный образ России...», — как уводящий читателя, по мнению автора, в сторону от основной мысли и, спустя два больших листа, продолжает: «Ненависть эта непримирима; она основана на разнице начал славянского и западного миров» [6, л. 3об.].

Русско-славянский мир предстает, в интерпретации Аксакова, как прежде всего мир христианский. Казалось бы, здесь нет достаточных оснований для противопоставления его Западной Европе. Но Акса-

ков ведет речь не столько о том, что именно православная вера позволила России сохранить основы христианского вероучения, сколько об **отношении** к вере, о национальном самосознании. В его понимании, «история русского народа есть единственная во всем мире история народа христианского»; «не только по исповеданию, — тотчас добавляет он, — но и по жизни своей, по крайней мере, по стремлению своей жизни» [6, л. 2 об. — 3), поскольку русский народ оказался способен сохранять — в нелегких исторических условиях — «молитвенную тишину и смирение» [6, л. 1 об.], не впад при этом «в гордость смирения, в гордость верою» [6, л. 2 об.]. «Конечно, это народ грешный, — поясняет Аксаков, — <...> но постоянно как христианин падающий и кающийся <...> Грех был для русского народа всегда грехом, а не добродетелью; он в нем каялся, а не гордился им» [6, л. 2 об.].

Что составляет, по Аксакову, основу русского народа? Именно в этой статье он называет те составляющие русского мира, в их единстве, которые уже были упомянуты в предыдущих текстах, эпистолярных и научно-публицистических: «неуважаемые миром, духовные сокровища его: терпение, простота и смирение» [6, л. 3 об.]. Здесь же он проводит разграничительную черту между Россией и Западом, о котором скажет: «На Западе видим самопоклонение человека, гордую личность, дошедшую до страшных размеров, настоящий парад страстей и весь ослепительный блеск их, уловляющий слабое человеческое сердце» [6, л. 4].

Запад, который «соблазнил Польшу на свой путь» и «смял прочие славянские племена» (а «другие славяне подпали владычеству турок»), «вдруг <...> натолкнулся на славянский народ, который один из всех славянских народов уцелел от всеобщей гибели: народ Русский» [6, л. 6 об.].

Кризисность момента, полагает Аксаков, проявляется и в том, что «ненависть» исходит уже не только от политиков, идеологов,

это ненависть самих народов Запада, это союз всей Европы против России, и в этой ситуации, сознавая, что четыреста лет поработанные христиане страдают под властью турок и четыреста лет на это терпеливо смотрят другие христиане, Россия должна провозгласить независимость всех славян и всех православных в Турции и идти освободить их, наконец, на деле, от четырехсотлетних страданий. У Аксакова исторический ракурс, бескомпромиссно очерченный, обнаруживает вневременную суть коллизии, на первый взгляд, сугубо конкретной, если не единичной. Но, будучи убежден, что не расчеты дипломатии, а нравственные вопросы легли в основу войны, автор статьи и ведет речь об этическом начале в движении истории, сознавая, что понимание «нравственных вопросов» различно у полемизирующих, а в настоящий момент — и воюющих сторон. Мысль о первостепенности нравственных вопросов Аксаков повторит в письме к Д. А. Оболенскому: «Но ведь это не простая война, — здесь в ходу нравственные вопросы, единовременные сочувствия; кроме стратегической операционной линии идет нравственная операционная линия, которая, я думаю, будет поважнее» [5, л. 5 об.].

Вопрос о возможном завершении войны (без одержания победы) беспокоил славянофилов. С одной стороны, Россия, по их мнению, должна была выполнить свою историческую миссию — освобождения славян. «Всякий другой исход войны, а не *освобождение всех православных от беззаконного турецкого ига*, — писал Аксаков, — будет позором для России, оскорблением Христовой веры и предательством наших братьев» [5, л. 9]). С другой — России предстояло решить и внутренние вопросы: преодолеть то раздвоение нации, которое явилось результатом петровских преобразований. Две эти задачи, по мысли Аксакова, взаимосвязаны: «...Если Россия явится тем, что она есть в сущности, то есть Святою Русью, славянской державою, предво-

дительницею славянских племен, то победа России несомненна» [7, с. 298].

В годы войны (а фактически — уже подводя ее итоги) Аксаков пишет Записку о России, адресуя ее новому императору и именуя «О внутреннем состоянии России». О России и Западе он уже написал, и немало. Настала очередь написать о России самой по себе. Можно было бы предположить, что автор, который высказывал убеждение в том, что причина наших неудач не во внешних факторах, а «в нас самих» [8, л. 12], будет говорить о внутренних **проблемах**. Но Аксаков пишет о другом — о том внутреннем существе России, которое ей дано историей и которое важнее, чем вопрос о взаимоотношениях России и Западе. Вопрос ставится тот же, что был обозначен в предыдущих работах, — о несходстве, об онтологической противоположности двух миров, но если прежде в славянофильских трудах Россия рассматривалась лишь в аспекте этой оппозиции, то теперь — это продуманное и целостное освещение той особенности российского бытия, которая, по мысли Аксакова, независима от исторических перемен, искушений и испытаний, порожденных историей. А. Д. Каплин справедливо оспаривает взгляд на Записку как на выражение лишь политических взглядов Аксакова [11, с. 245].

Особенность Аксаков именуется «самостоятельностью», в преамбуле к Записке замечая все же, что «долго была она не понята», хотя на самом деле ее «так нетрудно понять» [16, с. 23]. Не трудно понять — однако Россия не понята, и автор Записки берется разъяснить «самостоятельность» России, начиная с определения «общих народных оснований» и исторического прошлого, доказывая, что «русский народ есть народ не государственный» [16, с. 24]. Что за этим стоит? По сути — то же противопоставление России Западу, понимаемому как мир, где рассудок и политика органично взаимодействуют, определяя развитие и государства, и общества.

Русский народ, в концепции К. С. Аксакова, — народ не политический, никогда не бунтовавший против власти. Казалось бы, тезис спорный, но речь идет о том, что «в русской истории встречаются восстания за законную власть против незаконной; законность иногда понимается ошибочно; но, тем не менее, такие восстания свидетельствуют о духе законности в русском народе. Нет ни одной попытки народной принять какое-нибудь участие в правлении» [16, с. 24].

Заявив, что «русский народ государствовать не хочет» [16, с. 25], Аксаков комментирует: «Эта особенность духа русского народа несомненна. Одни могут огорчаться и называть это духом рабства, другие радоваться и называть это духом законного порядка, но и те и другие ошибаются, ибо судят так о России по западным взглядам либерализма и консерватизма. Трудно понять Россию, не отрешившись от западных понятий, на основании которых все мы хотим видеть в каждой стране, а потому и в России, или революционный, или консервативный элементы; но и тот, и другой, суть точки зрения нам чуждые; и тот и другой, суть противоположные стороны политического духа; ни того, ни другого нет в русском народе, ибо в нем нет самого духа политического» [16, с. 25].

Что же есть? Оказывается, сформулировать, тем более доказательно, этот тезис непросто, но задача Аксакова — не доказать, а заявить, сформулировать мысль, которая рождается в его сознании в ходе изучения российской истории. Россия славянофилами не только изучена, но, по их признаниям, и «угадана». И самой России нужно заботиться не столько о том, как себя презентовать, сколько о том, как себя сохранить. В современном европеизированном обществе это становится ее назначением, призванием: «Для того, чтобы Россия исполнила свое назначение, нужно, чтобы она поступала не по чуждым ей теориям, заемным или доморощенным теориям <...> а по собственным понятиям и тре-

бованиям» [16, с. 25]. «Но чего же хочет русский народ для себя», — ставит следующий вопрос Аксаков и предлагает свой ответ: «Не желая *править*, народ наш желает *жить* <...> Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, — народной жизни внутри себя» [16, с. 26], а «высокая цель» этой жизни — «общество христианское» [16, с. 27]. Итак, не исторические детали, отдельные факты, недоразумения или конфликты занимают Аксакова. Он действительно ищет некое идеальное жизнеустройство, **возможность** которого видит в России. Неоднократно поясняя: слова его не означают, что «русский народ состоит из праведников», он настаивает: «Но основания русского народа истинны, но верования его святы, но путь его прав» [16, с. 27].

Отстаивая монархическую власть, причем неограниченную (правда, в тех пределах, которые в Записке обозначены: гарантия для народа «свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной», Аксаков убежден, что подобный «взгляд русского человека есть взгляд человека свободного», поскольку, признавая государственную неограниченную власть, он сохраняет «независимость духа, совести, мысли» [16, с. 30]. Не продумывая конкретные формы взаимодействия народа и власти, не регламентируя их (то есть не следуя практике западной политической жизни), автор Записки, тем не менее, выделяет ту форму жизни, которая способна регулировать отношения «безвластного народа» и «полновластного государства» [16, с. 32], это — общественное мнение.

Аксаков, при всем его идеализме, не является прекраснотолкователем истории. Напротив, он сознает, что от изначально идеального жизнеустройства Россия ушла достаточно далеко, приблизившись к некоей границе, переступание которой может привести к необратимым последствиям. Поэтому, вопреки своему

убеждению, что русский мыслитель не должен пользоваться логикой и категориями западных политиков, он вступает на эту чуждую ему территорию и ведет речь о «политическом властолюбии» «новообразованных русских», давая знать, что если правительство отнимает у народа «*внутреннюю общественную свободу*», то народ поневоле начнет искать свободы «внешней, политической» (16, с. 37), однако «внешняя сила может существовать, пока еще внутренняя, хотя и подрываемая, не исчезла» (16, с. 38). Рассмотрев «современное состояние России», при котором «и народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах», Аксаков формулирует вывод: «велика внутренняя порча России», — надеясь, однако, «что все это может поправиться легко», если восстановится понимание народа правительством, а общество сможет «понять Россию и возвратиться к русским основам, согласным с ее духом» [16, с. 41].

Аксаковское истолкование «внутреннего состояния» России, не поддержанное всеми славянофилами [19, с. 44–60], выразило, однако, общее славянофильское понимание существа русского народа и национального самосознания. Взгляд Аксакова постоянно обращен как вовне (критика Запада, как можно было видеть, достаточно жесткая), так и внутрь России. Он может выступать и своеобразным идеологом войны, которую, с его точки зрения, нельзя завершать, не добившись полной победы, и строгим критиком России. Обе интенции присутствуют, например, в очередном письме к А. Н. Попову: «Поверьте, так идут обстоятельства, что нам, для спасения нашего, необходимо будет разрушить обе империи: Турецкую и Австрийскую, и воззвать к новой жизни Православный и Славянский мир, не завоевывая его себе; это призвание России, и она должна будет исполнить его, если не захочет сама от себя отказаться <...> Вместе с этим внешним подвигом, я уверен, для России предстоит внутренний подвиг

нравственного очищения. Примем всякую беду общественную (ибо война есть все-таки беда), как принимали наши предки; скажем, как они: это за грехи наши, и подумаем о наших грехах. Я уверен, что рядом с внешнею войною будет идти внутреннее очищение России, которое несомненно будет иметь действие на успех военный» [4, лл. 21 об., 22]. В середине 1850-х гг. об ответственности за неспособность отстоять и славянский, и собственно русский мир от западной агрессии, о необходимости внутреннего покаяния заговорили практически все члены аксаковской семьи, о чем свидетельствует дневник Веры Аксаковой, который она вела во время Крымской войны [10, с. 184].

Уже по окончании войны Аксаков вновь (и даже с большей степенью аналитичности, чем прежде) обращается к «петровскому перевороту», но не только с тем, чтобы в очередной раз высказать претензии великому реформатору; его интересуют последствия политики Петра I, и прежде всего — нравственно-духовного порядка. Он признает, что были созданы условия для развития «частного человека». Казалось бы, Петр преодолевал инертность, избыточную коллективность сознания, неразвитость личности, присущие, с точки зрения решительного правителя, древнерусскому периоду отечественной истории. Что же в итоге получилось?

В 1856 г. Константин откликается на одно из писем брата Ивана, побывавшего в ополчении и с горечью констатировавшего, что воровство и грабеж во время войны достигли ужасающих размеров. «Невольно спрашиваешь себя, — размышляет самый страстный защитник русского мира, — да где же кроется причина такого нравственного безобразия, такого ожесточения в корыстолюбии и именно в корыстолюбии бездушном, бесчувственном, доходящем до идиотизации, до помешательства на одном пункте?» [7, с. 303]. И дает ответ: «Прямая причина есть глубокое нравственное паде-

ние, и падение не лично ворующих, но общественное падение всей жизни, из которой вытекают люди, падение человека в России <...> Источник взяток, грабежа и пр. есть *нравственное унижение, есть падение человеческого достоинства...*» [7, с. 303]. «Как же совершилось это нравственное падение в России? Оно совершилось не вдруг. Началось оно с той знаменитой отвратительной эпохи, которая известна под именем Петровского преобразования и которая явила деспотизм, дотоле неслыханный в России. Деспотизм распространяет вокруг себя безнравственность <...> Петр *не знал*, не подозревал, что нарушает жизнь, существо, что топчет человека, он не догадывался о человеческом достоинстве, о человеческих правах <...> Он сделал свое дело... <...> Когда чуть мы, Россия, начинали говорить о России, нам грозно кричали: *это не ваше дело, это до вас не касается!* <...> Это непризнание, *незамечание* человека есть страшный деспотизм» [7, с. 303–304]. «Россия не погибнет, нет, — резюмирует Аксаков в письме к А. Н. Попову, добавляя при этом, — хотя нужно уже большой запас веры и внутренней силы духа, чтоб не прийти к той мысли, что Россия разрушается...» [4, л. 41 об.].

Что же требуется от России? — размышляет Аксаков, пристрастный историк и бескомпромиссный публицист, имевший привычку таким образом формулировать вопрос, что кто-то испытывал неловкость от слишком прямолинейной его постановки вопроса, а кто-то признавал насущность вопроса, его неотменимость не только для данного исторического момента, но и судеб человечества в целом. Что же требуется от России и для России? Не подчинение себе противоположного мира, а укрепление собственного — во имя сохранения равновесия бытия как такового. А для этого, по Аксакову, необходим «большой запас веры и внутренней силы духа»; «опасность для России одна: если она перестанет быть Россией» [7, с. 410].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К. С. Голос из Москвы. Западная Европа и народность // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб.: Наука, 1992. С. 297–312.
2. Аксаков К. С. Враги в русской земле... // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 7.
3. Аксаков К. С. «Любезнейшему князю» в нелюбезный Петербург (Неизданная переписка К. С. Аксакова с кн. Д. А. Оболенским) / Публ. Т. Ф. Пирожковой // Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / Под общ. ред. А. П. Дмитриева. СПб., 2013. С. 563–592.
4. Аксаков К. С. Письма к А. Н. Попову // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 15.
5. Аксаков К. С. Письма к Попову А. Н., кн. Оболенскому Д. А., Оболенскому М. А. Копии // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 18.
6. Аксаков К. С. Россия и Запад // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 22.
7. Аксаков К. С. Ты древней силою полна, или Неистовый москвич. М.: Русский мир, 2014. 508 с.
8. Аксаков К. С. Что такое мы в настоящее время? // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 8.
9. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. 526 с.
10. Аксакова В. С. Дневник. Письма / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. СПб.: Изд. «Пушкинский Дом», 2013. 591 с.
11. Каплин А. Д. Из истории русской религиозной мысли XIX в. Славянофильская идея исторического развития России. Харьков: Ра-Каравелла, 2000. 307 с.
12. Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.
13. Кошелев В. А. К. С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 года // Литература и история. СПб.: Наука, 1992. С. 306–312.
14. Основат Л. А. К характеристике исторического мышления К. С. Аксакова // Ученые записки Тартуского гос. университета. № 831. Труды по знаковым системам. XXII. Тарту, 1988. С. 117–126.
15. Славянофильство: Pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. 1054 с.
16. Теория государства у славянофилов: Сб. статей. СПб., 1898.
17. Тютчев Ф. И. Россия и Запад / Сост., вступ. статья, перевод и комментарии Б. Н. Тарасова. М., 2007. 574 с.
18. Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. 462 с.
19. Цимбаев Н. И. Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» и ее место в идеологии славянофильства // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1972. № 2. С. 47–60.
20. Цимбаев Н. И. Из истории славянофильской политической мысли. К. С. Аксаков в 1848 году // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. 1976. № 5. С. 81–95.

REFERENCES

1. Aksakov K. S. Golos iz Moskvy. Zapadnaya Evropa i narodnost' // Literatura i istoriya (Istoricheskij process v tvorcheskom soznanii russkih pisatelej XVIII–XX vv.). SPb.: Nauka, 1992. S. 297–312.
2. Aksakov K. S. Vragi v russkoj zemle... // RO IRLI. F. 3. Op. 7. Ed. hr. 7.
3. Aksakov K. S. «Lyubeznejshemu knyazyu» v nelyubeznoj Peterburg (Neizdannaya perepiska K. S. Aksakova s kn. D. A. Obolenskim) / Publ. T. F. Pirozhkovej // Nikita Petrovich Gilyarov-Platonov. Issledovaniya. Materialy. Bibliografiya. Recenzii / Pod obshch. red. A. P. Dmitrieva. SPb., 2013. S. 563–592.
4. Aksakov K. S. Pis'ma k A. N. Popovu // RO IRLI. F. 3. Op. 8. Ed. hr. 15.
5. Aksakov K. S. Pis'ma k Popovu A. N., kn. Obolenskomu D. A., Obolenskomu M. A. Kopii // RO IRLI. F. 3. Op. 8. Ed. hr. 18.
6. Aksakov K. S. Rossiya i Zapad // RO IRLI. F. 3. Op. 7. Ed. hr. 22.
7. Aksakov K. S. Ty drevnej siloyu polna, ili Neistovyy moskvich. M.: Russkij mir, 2014. 508 s.
8. Aksakov K. S. Chto takoe my v nastoyashchee vremya? // RO IRLI. F. 3. Op. 7. Ed. hr. 8.
9. Aksakov K. S. Ehstetika i literaturnaya kritika. M.: Iskusstvo, 1995. 526 s.
10. Aksakova V. S. Dnevnik. Pis'ma / Izd. podg. T. F. Pirozhkova. SPb.: Pushkinskij Dom, 2013. 591 s.
11. Kaplin A. D. Iz istorii russkoj religioznoj mysli XIX v. Slavyanofil'skaya ideya istoricheskogo razvitiya Rossii. Har'kov: Izd. «Ra-Karavella», 2000. 307 s.
12. Kireevskij I. V. Izbrannye stat'i. M.: Sovremennik, 1984. 383 s.

-
13. *Koshelev V. A. K. S. Aksakov i zapadnye revolyucii. Publicisticheskie stat'i 1848 goda // Literatura i istoriya. SPb.: Nauka, 1992. S. 306–312.*
 14. *Ospovat L. A. K karakteristike istoricheskogo myshleniya K. S. Aksakova // Uchenye zapiski Tartuskogo gos. universiteta. № 831. Trudy po znakovym sistemam. XXII. Tartu, 1988. S. 117–126.*
 15. *Slavyanofil'stvo: Pro et contra. Tvorchestvo i deyatelnost' slavyanofilov v ocenke russkikh myslitelej i issledovatelej. SPb.: Izd-vo russkoj Hristianskoj gumanitarnoj akademii, 2006. 1054 s.*
 16. *Teoriya gosudarstva u slavyanofilov: Sb. statej. SPb., 1898.*
 17. *Tyutchev F. I. Rossiya i Zapad / Sost., vstup. stat'ya, perevod i komment. B. N. Tarasova. M., 2007. 574 s.*
 18. *Homyakov A. S. O starom i novom. Stat'i i ocherki. M.: Sovremennik, 1988. 462 s.*
 19. *Cimbaev N. I. Zapiska K. S. Aksakova «O vnutrennem sostoyanii Rossii» i ee mesto v ideologii slavyanofil'stva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya IX. Istoriya. 1972. № 2. S. 47–60.*
 20. *Cimbaev N. I. Iz istorii slavyanofil'skoj politicheskoy mysli. K. S. Aksakov v 1848 godu // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. IX. Istoriya. 1976. № 5. S. 81–95.*

S. I. Timina

ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА (РОМАН АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА»)

В статье обосновывается высокая значимость обращения к поэтике классического русского наследия XX века на материале малоизученного романа Андрея Белого «Москва», последний прижизненный текст которого завершен писателем в 1930 году и не переиздавался до конца 1980-х годов. Москва, как «сердце России», стала главным героем романа на фоне трагических потрясений эпохи, периода между Империалистической войной и революцией. Богатейшая поэтика романа позволяет выявить и оценить эстетические тенденции, свидетельствующие об авторском прорыве в эволюции русской литературы XX столетия. Носитель огромной культурной традиции, Белый принадлежит к феноменам, сила и мощь влияния которых на литературу и культуру нашего времени очевидна.

Ключевые слова: судьбы культуры, свобода творчества, образная система, новизна поэтики, киномышление, мелодирование.

S. I. Timina

FORGOTTEN CLASSICS (NOVEL MOSCOW WRITTEN BY ANDREY BELY)

The article grounds a high importance of the reference to the classical Russian poetics of the 20th century basing on the little studied novel Moscow by Andrey Bely. The last version of the novel finished by the author in 1930 wasn't republished until late 1980s. Moscow as the heart of Russia became a major character of the novel amidst the tragic tempests of that period, time between the imperialist war and the revolution. The rich poetics of the novel helps a reader to reveal and evaluate the aesthetic trends, which are the evidence of the author's breakthrough in the Russian literature of the 20th century. As a keeper of a huge cultural tradition, Andrey Bely is among those phenomena, whose strong and powerful influence over literature and culture of our time is obvious.

Keywords: futures of cultures, freedom of creation, system of expressiveness, novelty in poetics, cinematic thinking, modulation.

Если роман А. Белого «Петербург» стал одним из наиболее важных идейно-философских и художественных явлений евро-

пейской литературной жизни XX века, то с романом «Москва», последним романом писателя, начатым в двадцатые годы и за-